

РУССКАЯ БОЯРЫНЯ

XVII-го столѣтія.

ДРАМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, СЪ СВАДЕБНЫМИ ПѢСНЯМИ, СОЧ. П. Г. ОБОДОВСКАГО.

Представлено въ первый разъ, на Александринскомъ Театрѣ, 15-го Декабря 1842, въ бенефисъ А. М. Каратыгиной.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Боярыня Анна Ивановна, жена Псковскаго.

Воеводы Василій Петровича Морозова. Г-жа Каратыгина 1.

Гриша, сынъ ихъ 14-ти лѣтъ.

Г-жа Авенаріусъ (восп.)

Левявна, старая его няня.

Г-жа Гусева.

Эвертъ-Горнъ, Шведскій Полковникъ

Г-нъ Каратыгинъ 1.

Нильсонъ, его Адъютантъ.

Г-нъ Толченовъ 3.

Шведскій солдатъ.

Г-нъ Сосновской.

Неизвѣстный, больной Шведъ подъ именемъ Англичанина Джона.

Г-нъ Третьяковъ.

Семень, дворецкій.

Г-нъ Вороновъ.

Няня, ея сынъ.

Г-нъ Фризановскій.

Тришка, сынъ мельника.

Г-нъ Рамазановъ 2 (восп.).

Маша, дочь его, сѣнная дѣвушка.

Г-жа Волкова 2.

Одинъ изъ крестьянъ.

Г-нъ Исавезъ.

Сѣнная дѣвушка.

Сѣнные дѣвушки, крестьяне, крестьянки села.

Игнатьевскаго, Шведы.

Дѣйствіе происходитъ въ 1616 году, недалеко отъ Тихвина.

Театръ представляет свѣтлицу въ боярскомъ домѣ Морозова.

Я В Л Е Н І Е I.

Дѣвушки (сидятъ за столомъ и шьютъ припльсаячи).

Не долго ивѣтку по садикѣ цвѣсти,
 Не долго вьяпчку на стопочкѣ вѣсти,
 Не долго Марьюшкѣ во дѣвушкахъ сидѣть,
 Не долго Семеновѣ по красныхъ сидѣть.
 Гордись, гордись, матушка, не отдавай,
 Пока тебя, матушка, зять не подарить.
 Подарить тебя, матушка, зять тремя парчами,
 Изъ бѣленькой сшей мнѣ, матушка, сарафанъ,
 Изъ голубенькой сшей мнѣ, матушка, душегрѣчку,
 Изъ аленькой сшей мнѣ, матушка, запячку.

Я В Л Е Н І Е II.

Тѣ же п Боярыня.

Боярыня. Это что? ай да дѣвушки! Ихъ усадили за работу дошивать приданое невѣстѣ, а онѣ расплѣсь; Экой шумъ подняли! хоть всѣхъ святыхъ вонь понеси.

Дѣвушка. Мы, Боярыня, невѣсту тѣшили; ей что-то сгрустнулось.

Боярыня. Пѣть не запрещаю, да вѣдь надо же и честь знать; вы забыли, что въ той свѣтлицѣ лежитъ раненый Шведскій воннѣ, старикъ; вы ему, чай, уснуть не дали.

Маша. Онъ не спитъ, сударыня. Я ему недавно кашницу носила.

Боярыня. Спитъ ли, пѣть ли, все надо его поберечь. Ему теперь, кажись, полегче. Ну, а какво идетъ работа?

Дѣвушка. Поднязь канпзана, къ вечеру будетъ готова; да и сарафанъ позументомъ отороченъ, хоть надѣвай да и къ вѣнцу.

Боярыня. До вѣнца еще далеко, хоть бы сговоръ-то привелось сегодня справить. (*Беретъ сарафанъ и разсти-
ляетъ по столу*). До вѣнца ли теперь, когда Шведы дер-
жать въ осаду Великій Псковъ и Св. Троицу. Вотъ, по-
годите, когда бояринъ мой проводитъ ихъ во свояси, воз-
вратитъ молодому Царю Михаилу запятыя Шведами Пов-
городъ и другіе города, выбьетъ у нихъ изъ головы вся-
кое помышленіе о престолѣ Русскомъ, тогда, дѣвушки,
мы веселымъ пиркомъ, да и за свадебку. Примѣрь, Маша,
подишь. (*Она примѣриваетъ, Боярыня цѣлуетъ ее*).
Ахъ, ты моя чериобровая!

Дѣвушки. Ахъ, какъ присталъ! Ахъ, какъ къ лицу!

Я В Л Е Н І Е Ш.

Тѣ же и Няня.

Няня. Добрыя вѣсти, добрыя вѣсти, Боярыня. При-
ѣхалъ сватушка мой Семенъ Григорьевичъ изъ подь Пско-
ва, какъ разъ на сговоръ къ дочкѣ поспѣлъ. Ужъ какъ
онъ обрадовался тому сердечный!

(*Маша встаетъ и убѣгаетъ*).

Боярыня. Гдѣ, гдѣ онъ, зови его сюда, Маша.

Няня. Онъ ужъ на крыльцѣ, съ баричемъ Григорьемъ
Васильевичемъ: тотъ его, — легко ли, за версту, слышъ
ты, изволишь увидѣть, да и полетѣлъ къ нему яснымъ со-
коломъ.

Боярыня. А мнѣ хоть бы слово; вѣдь экой востро-
глазый! Я и сама подивилась: сидѣлъ у окна, не шелох-
нулся, да читалъ Минею; вдругъ брызнулъ какъ стрѣла—
изъ глазъ вонъ.

Я В Л Е Н І Е ІV.

Тѣ же, Гриша, Семенъ съ Машей.

Семенъ. Много лѣтъ здравствовать матушкѣ Аннѣ
Ивановнѣ съ дѣтищемъ ея и съ домочадцами: здравствуй-
те, дѣвушки.

Боярыня. По добру ли по здорову, Семенушка; какими судьбами ты въ нашей сторонѣ; вѣрно съ грамотой отъ Боярина?

Семень. Грамотки отъ него нѣтъ; суматоха такая! до писанья ли ему; а велѣлъ тебѣ изустно доложить, что Божією милостію дѣла поправляются, и авось Шведы скоро очистятъ Русскую землю, да и не заглянуть въ нее.

Боярыня. Подай-то Богъ!

Няня. Надоѣли они, окаянные, помучили насъ во роги!

Боярыня. Ну, расскажи-ка намъ о Бояринѣ; стосковались мы по немъ въ нашемъ захоластьѣ; ни птица-то къ намъ не залетитъ отъ Пскова, ни звѣрь не забѣжитъ, а доброй вѣсточки и подавно не дождешься.

Семень. Чай, до вашего слуха дошло, матушка, что мѣсяца три тому назадъ, самъ Король Шведскій Густавъ Адольфъ, озлобясь на упорство нашего Боярина, принялъ начальство надъ осадю Пскова, и требовалъ, чтобъ Бояринъ сдался и призналъ его своимъ Царемъ. Войско его, словно туча, облегло Великій Псковъ. Бояринъ думалъ крѣпкую думушку съ своими приближенными, да и рѣшился, перекрестясь, сдѣлать вылазку.

Боярыня. Отподчинвали вы Короля порядкомъ, Семенушка; знаю, знаю, вы ихъ Воеводу, Горпа, убили; да и нашихъ ни мало легло на полѣ битвы. Пальба такая была, что Боже упаси, чуть мы не оглохли.

Семень. Да какъ ты это, матушка, вѣдаешь? Ума не приложу, вѣдь ты съ сыномъ Григорьемъ молилась у Сергія въ Лаврѣ, когда вороги осадили Псковъ; Бояринъ нашъ только тѣмъ потѣшался, что ты не видѣла этакого кровопролитія, что изъ Москвы проѣдешь прямо сюда, въ Игнатьевское, куда Шведы и дороги не знаютъ.

Боярыня. Оно такъ, я и проѣхала сюда изъ Москвы, чрезъ Устюгъ, да каково было мнѣ сидѣть здѣсь въ глуши, межъ тѣмъ какъ мужъ мой боролся съ ворогомъ. Дошла до меня вѣсть, что Шведы въ Новгородѣ, я себѣ да умѣ: дай проберусь ко Пскову, сердцу легче будетъ, развѣлю опасности съ мужемъ; ты знаешь, я не робкаго

десятка; вотъ, пустилась я, на легкѣ, въ дорогу, доѣхала до вотчины мужа моего, деревни Порошиной, въ 60-ти верстахъ отъ города, гляжу: деревня набита горожанами. «Гдѣ Шведы?» молвила я, а мпѣ въ отвѣтъ было: «обложили, матушка, осадой Псковъ, самъ Король Густавъ-Адольфъ подѣ стѣнами—бѣда не минуемая!» Сердце мое такъ вотъ и запыло; слезы горючія полились изъ глазъ. Господи! вразуми меня, что мпѣ дѣлать? Ѣхать далѣе было опасно, назадъ Ѣхать не хотѣлось; останусь въ Порошинѣ, да пережду осаду; Божья воля! что будетъ, то будетъ. Я осталась; посылала людей навѣдываться объ осадѣ; слышала о вашей храброй вылазкѣ, о смерти славнаго Воеводы Горна. Молилась дено и ношно, со всеми крестьянами, и Господь даровалъ намъ побѣду. Въ ночи послѣ битвы, я не хотѣла отстать отъ сосѣдей - дворянъ, и послала людей на поле сраженія за убитыми изъ нашей деревни; биткомъ набили три телѣги, а сколько ихъ еще не доискались; привезли, да предали землѣ, по обычаю Христіанскому, чтобъ не привелось имъ лежать въ одной могилѣ съ бусурманами.

Няня. Да и мертвыхъ-то нашихъ вороги не оставили въ покоѣ: содрали съ сердечныхъ кафтаны, выихъ раздѣли до-нага. Слава Богу, что хоть мѣдныхъ крестовъ-то на шеѣ не трогали; многихъ, Семенушка, только по кресту и узнавали, что православные.

Семенъ. Да это все проклятые наемники озаричаютъ, али, какъ бишь ихъ зовутъ: лавдсъ-кнехты; всякій сбродъ, матушка, — тутъ и Пѣмцы, тутъ и бѣглеы Поляки, тутъ и Англичане; подѣ Псковомъ они дали тягу, струсили, да и Шведовъ съ толку сбили; наши всехъ ихъ перерѣзали.

Боярыня. И по дѣломъ имъ, измѣнникамъ. — На другой день, все поуспокомлось; я поднялась до разсвѣта со своими, и проселочными дорогами воротилась сюда; здѣсь я въ безопасности. Ну, что далѣе, Семенъ?

Семенъ. Вотъ, матушка, послѣ той смѣлой вылазки нашей, Король Густавъ Адольфъ смекнулъ, что не съ своимъ братомъ связался, сиялъ осаду Пскова, да и на пятый дворъ, далъ тягу къ границѣ, а начальство надѣ

войскомъ поручилъ Делагарди. Делагарди тоже двинулся изъ-подъ Пскова, и теперь идетъ на Тихвицъ, слышь ты, останоится въ деревнѣ Столбовѣ, и какъ будто бы для заключенія мира. Бояринъ нашъ, Василій Петровичъ, выслалъ въ погоню ему храбраго Князя Мезецкаго, Давиду Ивановича, съ отрядомъ; пусть-де его сторожить Шведовъ, а меня съ нимъ же послалъ къ тебѣ, навѣдаться о твоёмъ здоровіи. Наши стоятъ на Новгородской дорогѣ, въ селѣ Михайловскомъ, въ 50-ти верстахъ отъ васъ, и Шведы подвигаются къ вамъ.

Няня. Ахти намъ! Что, если окаянныя зайдутъ къ намъ....

Гриша. Найдутъ насъ, да возьмутъ въ полонъ, али казнятъ, вѣдь мы Морозовы, и батюшка убилъ ихъ воеводу!

Боярыня. Полно, Гриша; намъ бояться Шведовъ нечего; въ Игнатьевское Село наше имъ не пробраться, а проселочной дороги имъ не найти, развѣ измѣнники укажутъ; да и почему узнаютъ, что мы Морозовы: меня до сихъ поръ называютъ здѣсь по батюшкѣ, Игнатьевой. Мстить имъ за Горна не дѣло, онъ умеръ на полѣ чести; таковъ жребій войны, вѣдь и твоего отца могли убить Шведы.

Семель. Оно бы такъ, матушка, да не такъ судить сынь Воеводы Горна, молодой Эвертъ-Горнъ, человекъ горячій и мстительный. На другой день послѣ сраженія, Шведы начали отыскивать тѣло своего воеводы, и не нашли; Богъ вѣсть, куда оно дѣлось; мы своимъ разумомъ думаемъ, что наши, не зная его, бросили въ рѣку Великую; а сынь забралъ себѣ въ голову, что отецъ его живъ, и содержится гдѣ нибудь въ плѣну у Боярина, бродитъ себѣ съ шайкою удалцовъ по всей области Псковской, и жжетъ села и деревни. Вишь, онъ думаетъ, что Бояринъ нашъ за выкупъ его отца потребуесть у Шведовъ мѣра на выгодныхъ условіяхъ.

Боярыня. Эку дурь въ голову забралъ! дай-то Богъ, какъ бы миръ заключили, отдохнула бы Русская земля; а молодой нашъ Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ залечилъ бы раны ея; настрадалась она, сердечная!

Семень. Да, кажется, матушка, въ Москвѣ о мирѣ поговариваютъ: Англійскій Посоль въ Исковѣ, какъ бишь его, по ихнему-то, по нашему Иванъ Ульяновичъ Мерикъ, хлопочетъ томъ; да и Боярыня приказалъ тебѣ доложить, чтобъ ты не ушивала, а полагала надежду на Господа; а что онъ до той поры не опуститъ меча въ ножны, пока не прогонитъ Шведовъ во свояси, пока не истребитъ голодомъ ихъ печестивыя скопища; самъ Господь посылаетъ на нихъ бѣдствія: вотъ мы убили у нихъ Воеводу Горна, разбили наголову ихъ ландс-кнехтовъ; раздоры пачинаютъ волновать ихъ войско; молодой Горнъ не слушаетъ Делгарди... *(Въ это время въ смежной съ тѣлицъ раздается стеланіе)*. Эго кто стелеть у васъ, матушка?

Боярыня. Я и забыла тебѣ сказать: здѣсь лежатъ раненый ратникъ. Справься, няня, что съ нимъ?

(Няня уходитъ въ горницу).

Семень. Русскій?

Боярыня. Нѣтъ, изъ Шведскаго войска, только не Шведъ.

Семень. Вѣрно ландс-кнехтъ; да какъ онъ попалъ къ вамъ, Боярыня?

Боярыня. Люди мои, прибиралъ съ поля сраженія тѣла убитыхъ ратниковъ моихъ, ошибкою, въ потьмахъ захватили двухъ Шведскихъ солдатъ, да и привезли въ Порошину; тамъ только замѣтили свою ошибку, да дѣлать было печего; ужъ мы хотѣли было хоронить ихъ, какъ одинъ изъ нихъ, постарше, вздохнулъ и открылъ глаза; какъ же мы обрадовались, что Господь избавилъ насъ отъ грѣха: просто заживо похоронили бы его. Другой Шведъ не приходилъ въ чувства, — вытянулся, окостенѣлъ, и мы предали его землѣ; старичка же Богъ помиловалъ; онъ остался живъ, только между жизнью и смертью, и изъ деревни Порошиной мы его взяли съ собою, въ это захоlustье; лечили его, какъ умѣли, коли выздоровѣетъ, пустимъ его на родную сторону; пусть молится Богу своему за Русскую землю.

(Няня въ слезахъ выходитъ).

Боярыня. Что съ тобою, нянюшка, ужъ не умеръ ли онъ?

Няня. Кабы умеръ, матушка, легче бь было горемычному. Вѣдь онъ все слышалъ, что рассказывалъ тебѣ Семень Григорьевичъ; душа его запыла по родной землѣ, по землякамъ.

Семень. А вы, Боярыня, не допытались кто онъ, какъ его зовуть.

Боярыня. Бѣдный, простой воинъ, изъ пѣшихъ, а онъ себя называетъ Англичаниномъ Джономъ. Да, вотъ онъ самъ бредеть сюда.

Я В Л Е Н І Е V.

ТѢ Ж Е И Н Е И З В Ѣ С Т Н Ы Й.

Боярыня. Напрасно трудишься, старинушка, коли что надо молвить, позвалъ бы насъ къ себѣ: мы люди не спѣсивые.

Неизвестный. Прости моей нескромности, Боярыня, я слышалъ слова твоего вѣрнаго слуги, слышалъ о разбитіи Шведскаго войска, о постыдномъ отступленіи Короля съ братомъ отъ стѣнъ Пскова, объ опасностяхъ, ему угрожающихъ, и не могъ равнодушно спести этой вѣсти; слезы въ первый разъ въ жизни хлынули изъ глазъ; ты видишь, я старпкъ — воинъ, а плачу какъ дитя.

Боярыня. Успокойся, дѣдушка; при Божьей помощи все кончится благополучно: мы ждемъ мира.

Неизвестный. Нѣтъ, Боярыня, я не успокоюсь до той поры, пока ты не исполнишь моей предсмертной просьбы. Ты осыпала меня своими милостями, на короткое время продлила горькую мою жизнь, излѣкши меня изъ груди тѣль, и я за то благословляю тебя, какъ мою благодѣтельницу, и въ этой жизни, я ничѣмъ не могу воздать тебѣ, какъ горячею слезой благодарности; но что мнѣ въ этой послѣдней искрѣ жизни, когда она истлѣбѣтъ вдали отъ моихъ земляковъ! Доверши свои благодѣнія: отпусти меня въ Шведскій штабъ, къ Графу Делагарди.

Боярыня. Просьба твоя безразсудна, Джонъ; развѣ я злодѣйка какая, что отпущу тебя въ такую погоду, ты еле дышишь; пѣтъ, голубчикъ Джонъ, поживи еще у меня, поправься, тогда и безъ просьбы твоей я пошлю тебя во свояси и молюю тебѣ на дорогу: не помниай лихою Русской Боярыни.

Неизвѣстный. Боярыня, твои милости я чувствую, но....

Боярыня. И слышать не хочу, Джонъ; а чтобъ ты поскорѣ поправился здоровьемъ, я отведу тебѣ свѣтлицу попріютнѣе; здѣсь тебѣ безпокойно; дѣвушки мои тревожатъ тебя; что дѣлать, молодой народъ: какъ ни грози, ни пугай—не уймешь; а я уложу тебя въ свѣтлицу моего мужа, подальше отъ моего терема, окнами въ огородъ; до тебя шумъ не дойдетъ. Пяпюшка, ты его сидѣлка, отведи старика, да поосторожиѣ, пусть переходомъ идя, держится за перила. — Поди, Джонъ, не упрямясь: еле живъ, а просишься въ дорогу!

Неизвѣстный. Боже, не дай мнѣ умереть вдали отъ моего отечества, отъ моей семьи!

(Уходитъ въ боковую комнату съ пльей).

Я В Л Е Н І Е VI.

Боярыня, Гриша и Семень.

Боярыня. Ну, что скажешь Семень, ктобы былъ этотъ Англичанинъ Джонъ?

Семень. По одеждѣ судя, опъ, кажись, ландскнехтъ, а по рѣчамъ не простой воинъ; и не лучше ли его отправить къ Князю Мезецкому, въ село Михайловское.

Боярыня. Кто бы онъ ни былъ, я обѣщала ему отпустить его на родину, и сдержу свое слово; а когда опъ выздоровѣетъ, ты отвези его къ Якову Понтусовичу Деллагарди. *(Слышны пльни дѣвушекъ).* Да вотъ и сговоръ.

Я В Л Е Н И Е VII.

Тѣже, Няня, Маша, Илья, Семенъ, стѣнные дѣ-
вушки, Сваха, крестьяне и крестьянки.

Дѣвушки (поютъ).

Какъ ни яхонтъ по горницѣ катился,
Какъ ни жемчужина за яхонтомъ унизалася,
А Илья — сударь, на сговоръ снаряжался,
А Андрсевиць на сговоръ убирался;
Хорошо его матушка родная убирала,
Гребешкомъ кудри русые расчесывая.
Жестоко ему матушка наказывала,
Ужъ какъ будешь ли Илья на сговорѣ,
Ужъ какъ будешь ли Андрсевиць на сговорѣ,
Ужъ какъ будутъ ли тебя дѣвнцы пеленати,
Ужъ какъ будутъ ли тебя по имени называти,
Ужъ какъ стануть ли тебя огтствомъ позымати,
А ты дари, сударь, дѣвнцы, не скупись,
И ты дари, сударь, золотою гривной,
И ты дари, сударь, гривною Московскою.

(Во все это время няня подчисляетъ гостей, обноситъ
кубки. Сваха ведетъ Машу и Илью къ Болрыню. Няня
и Семенъ кланяются въ поясъ Болрыню).

Семенъ. За твое здравіе и многолѣтіе, матушка, Ан-
па Иваовна, съ Болрыномъ Васильемъ Петровичемъ, съ
дѣтнцемъ ненагляднымъ, Григоріемъ Васильевичемъ.

Няня (поетъ).

•Чтобъ тебѣ матушка не старьтєся! — Слава!

Дѣвушки подтяните и вы — Слава! (Всѣ поютъ).

•Чтобъ цвѣтнору платью не изнашиватьел! — Слава!

•Твоиъ добрымъ конямъ не изъезживатьел! — Слава!

•Твоиъ терпымъ слугамъ не изътниватьел! — Слава!

Боярыня. Спасибо за послѣднее, Іевлевна, вѣрность
въ черные годы лучше золота! Вотъ и я нью за ваше здо-
ровье, за счастье вашихъ сговоренныхъ дѣтушекъ; молю
Бога: вамъ, на старости, на нихъ глядя, не народоваться,
да и съ вучатами не пачильчпться. (Пѣетъ).

Няня. А скоро и на свадьбу попросимъ тебя, род-
нал.

Боярыня. Ужъ свадьбой-то не спиши, Іевлевна, дож-
демся Боярища.

Няня. Ч то, матушка, ждать; намъ-то, пожалуй, не по

чемъ ждать, а спроска ты у жениха: куй желѣзо пока горячо; невѣста, какъ ласточка: того гляди изъ рукъ вылетитъ.

Боярыня. Маша моя изъ рукъ не вылетитъ: коли слово дала, такъ и сдержитъ его; я за нее ручаюсь.

Семень. И я, матушка, за свою дочку отвѣчаю; она дѣвка постоянная, не вѣтряница; покойница мать выростила ее въ страхъ Божиємъ.

Няня. Ахъ, голубчикъ ты мой, Семень Григорьевичъ, много ты пожилъ на свѣтѣ, а все еще нашего женскаго дѣла не разумѣешь; а я на своемъ вѣку такіе ли разлады видала между помолвленными; кажись, вотъ такъ, хоть бы подъ вѣнецъ везти, а глядишь — черная кошка пробѣжала между женихомъ и невѣстой — и все вверхъ дномъ. Куда дѣлся твой женихъ, куда твоя невѣста? На то есть у меня старая Псковская пѣсенка; я вамъ спую ее, какъ умѣю.

Боярыня. Ахъ ты, веселая голова, все бы ты пѣла.

Няня. *(поетъ и приплясываетъ)*

Ходитъ вѣтеръ у порога, (*)

У порога красотки ждетъ;

Не дожмешься вѣтеръ мой

Ты красотки молодой,

Ай люли, ай люли,

Ты красотки молодой.

Съ парнемъ бѣгаетъ, горитъ,

Парию шепчетъ говорить:

- Догони меня, дружокъ,

- Пареченный муженекъ.

Ай люли, ай люли,

Пареченный муженекъ.

Ой ты парень удалой,

Не гоняйся за женой!

Вѣтеръ дупуль и затихъ:

Безъ невѣсты сталъ женихъ!

Ай люли, ай люли,

Безъ невѣсты сталъ женихъ.

Вѣтеръ дупуль и Авдѣй

Нюлюблился больше ей

(*) Эта пѣсня заимствована авторомъ изъ драмы П. В. Кукольника: *Князь Холмскій*; музыка на нее написана М. И. Глинкою.

Стоитъ дунуть въ третій разъ,

И полюбится Тарась,

Ай люли, ай люли,

И полюбится Тарась.

Я Б Л Е Н И Е VIII.

Тѣ же и Тришка (*вбѣгаетъ въ страхъ*).

Тришка. Батюшки-свѣты, мы пропали! Шведы! Шведы!

Всѣ. Гдѣ, гдѣ они? . . .

Боярыня. Гдѣ ты ихъ видѣлъ, говори? Какъ они зашли къ намъ?

Няня. Какъ нелегкая запесла ихъ къ намъ?

Тришка. Не нелегкая, тетка, а я, я привелъ ихъ.

Няня. Ахъ ты окаянный!

Боярыня. (*схватываетъ сына*.) Господи! пусть гибну я одна, спаси дитя мое! Онъ мое единое дитя! Говори, гдѣ ты попался имъ и много ли ихъ?

Тришка. Гдѣ? многи ли? О! въ лѣсу ихъ видимо не видимо! Вишь ты, батька послалъ меня къ мельнику Антипу, что на горѣ-то живеть; бѣгу лѣсомъ, да напѣваю себѣ во все горло нѣсню, вдругъ кто-то хватаетъ меня за руку, а я какъ завоплю, да и зажму глаза; мнѣ почудилось, что лѣшій душитъ меня; открываю глаза, ахъ то былъ не лѣшій, а кругомъ меня были Шведы. «Видно жильє здѣсь не далеко, когда такіе звѣри попадаются», молвилъ онъ. «Веди насъ въ твою деревню, пу-галю вороньє, а не то проколемъ насквозь», прибавилъ другой, такой страшный, что ухъ! вспомнить не могу, морозъ по кожѣ подираетъ; я перекрестился, да и повелъ ихъ. Дорогой . . .

Няня. Да какъ они, окаянные, съ тобою говорили: вѣдь ты, чай, не разумѣлъ ихъ.

Тришка. Они говорили по наше у.

Семвнъ. Вишь какъ на Руси зажились: легко ли, ужъ и по нашему говорятъ.

Боярыня. Они спрашивали тебя обо мнѣ?

Тришка. О тебѣ? да почему они тебя знаютъ! Я не помню, что путалъ имъ, а только они меня не трогали, ш.п, да зубы скалили.

Няня. Да гдѣ же ты ихъ покпнулъ, супостатовъ?

Тришка. Я довелъ ихъ до села, да самъ и прыгъ въ сторону, огородами прибѣжалъ къ боярскому дому, чуть на жердь не паткнулся.

Боярыня. Мѣшкать нечего, расходитесь по домамъ, спасайте, что можете; Шведы не съ добрымъ памѣремъ зашли къ намъ.

Семень. Вѣрно, матушка, плутъ на Тихвицѣ къ Де-лагардію — съ пути сбился!

Боярыня. Идите же, идите, а я останусь одна, что будетъ до будетъ: полагаю все мое упованіе на Господа!

Семень. Чтобъ мы тебя, родная, оставили одну, въ страшный часъ, да развѣ мы нехристи какіе, предатели? Умремъ съ тобою, а отсюда ни ногой! Пропадай все наше добро, горн все наше село, лишь бы ты была жива, съ сынкомъ, наша кормилица!

Боярыня. *(отирая слезы.)* Спасибо, Семенушка, я ждала отъ тебя этого усердія. Не вѣдаю, устоятъ ли другіе; ужъ коли дѣло пошло на то, такъ и я молвлю вамъ слово: дѣтушки, не выдавайте меня; унаси Господы, коли Шведы провѣдаютъ, что я жена Псковскаго Воеводы Морозова, сгинемъ мы всѣ отъ руки супостатовъ; пусть буду я для васъ Игнатъевой, какъ была въ дѣвушкахъ; памятью покойныхъ родителей, вашихъ благодѣтелей, слезно молю васъ не выдавайте ни меня, ни сына: вѣдь это мое ненаглядное дитятко, какъ перстъ онъ у меня, одпнехоекъ! Гриша, проси, чтобъ они тебя не выдали.

Гриша. Голубчики мои, не выдавайте насъ, я за васъ Богу буду молиться.

1-й изъ Крестьянъ. *(на колѣняхъ.)* Матушка наша Анна Иваповна! Вотъ какъ Богъ святъ, слово не вымолвимъ, ногой чрезъ порогъ не ступимъ — гдѣ стоимъ, тутъ за тебя и ляжемъ!

Семень. Не тревожься, родная, спросятъ о тебѣ Шведы, пайдутся и отвѣты...

Няня. Да коли узнають они, что ты ихъ земляка приютила, да лечила — и подавно тебя помилуютъ; я первая молчать не стану: во все бабье горло закричу: вороги! вѣдь барыня — то вашего земляка отъ смерти спасла!

Боярыня. Ну, а если ты тѣмъ Джона погубишь; онъ не Шведъ, онъ наемникъ; а вошь Семенъ — то что говорить, слышь, подъ Псковомъ наемники — то Шведамъ измѣнили, а вѣдь Джонъ былъ въ числѣ ихъ. Ужъ лучше мы о немъ промолчимъ; пронеси лишь, Господи, грозу мимо насъ, что другихъ въ бѣду вводить! Жаль старика!

Няня. Вѣстимо, родная.

Боярыня. Слушайте, дѣтушки: опасность наша велика. Изъ ума выкиньте, что я здѣсь, что я ваша Боярыня; что ни услышите; и что не увидите, не дивитесь ничему, такайте, да такайте на все, что я ни молвлю вамъ при ворогахъ нашихъ. Господь Богъ ухищряетъ слѣпцовъ, онъ просвѣтитъ разумъ и у меня, слабой жепы. При Его благодати я спасу васъ, себя и милое дѣтище мое.

Тришка (*вбѣгаетъ опять*). Они на дворѣ!

Крестьяне (*съ ужасъ прижимаются къ сторонѣ*). Пропали наши головушки.

Няня. Что это вы, дѣтушки? экъ трухнули! Да чего вороговъ бояться; съ нами сила крестная! Вѣдь не даромъ говорится пословица: Господь не выдастъ — свинья не съестъ; примемся за пляски, какъ бы вовсе не вѣдаемъ, что Шведы подходятъ къ намъ.

(*Поетъ и приплясываетъ*).

Не будите меня молоду,
и т. далѣе.

Я В Л Е Н И Е IX.

Тѣже и Горнъ, Нильсонъ, Офицеры Шведскіе и нѣсколько солдатъ.

Горнъ (*отряхая съ себя дождь*). Тѣу пропасть, Господа, въ какую мы глушь забрели, сбившись съ Тихвинской дороги; если бъ не тотъ парнишка, пришлось бы почевать въ лѣсу!

Нильсонъ. И притомъ въ такую погоду.

Горнъ. Всѣ ли на лицо, Нильсонъ?

Нильсонъ. Всѣ, Полковникъ.

Горнъ. Ихъ надобно пригрѣть и накормить, а на утро маршъ въ лагерь къ Делагарди. Эй, помѣщикъ, да у васъ здѣсь, какъ вошли мы, былъ пиръ горой.

Няня. Сговоръ, батюшка; я женю сына своего, Нильюшку, на Семеновой дочкѣ, Марьѣ, барской крестницѣ.

Горнъ. А гдѣ господа ваши?

Семень. Господина давно на свѣтѣ нѣтъ, а хозяйшика его, боярыня наша, Игнатьева, изволила уѣхать въ Тихвинъ на богомолье, и мнѣ поручила беречь домъ и господское добро — я староста.

Горнъ. А ты уберегъ здѣсь въ полю вина, какъ видно?

Нильсонъ (*пьетъ*). Да и закусить есть чѣмъ.

Семень. Грѣшный человекъ, батюшка, дѣло холопское: Болрыня со двора, а къ намъ гости на дворъ; — да все жена моя попутала: «По што, Сеня, откладывать сговоръ Машинъ; боярыня воротится, того раздолья не будетъ,» молвила баба моя, а я и по рукамъ. Вѣдь домъ-то боярскій у насъ — полная чаша: погреба глубокіе — чего хочешь, того просишь, батюшка.

Горнъ. Полно хвастать-то, борода; накорми насъ и солдатиковъ моихъ: они измучились въ вашемъ дьявольскомъ лѣсу. Бабы, служите намъ. Вина!

(Семень дѣлаетъ распорядженія. Болрыня съ толпой женщинъ обслуживаетъ Шведовъ и вмѣстѣ съ ними на требованіе Шведовъ разноситъ вино.)

Нильсонъ. Въ самомъ дѣлѣ, отдохните здѣсь, Полковникъ. Въ этой сторонѣ намъ не дѣлали ни какого вреда; все безпрекословно намъ покоряется; а въ этой деревушкѣ, кажется, народъ не злобный и разгульный: вина въ волю, дѣвушки красныя — заглядѣнье, а вамъ пужпо разсѣяніе въ вашей горести. Вина, Полковнику!

Горнъ. Да, Нильсонъ, разсѣяніе мнѣ нужно. Незвѣстность о судьбѣ несчастнаго отца моего лишаетъ меня спокойствія. Мысль о плѣнѣ, болѣе чѣмъ о его смерти, всюду меня преслѣдуетъ; днемъ она какъ черная

туча застигаетъ предо мной свѣтъ Божій; ночью, блещеть мнѣ въ глаза кровавою звѣздой!

(Семень подноситъ вино).

Нильсонъ. Но основательны ли ваши предположенія, что родитель вамъ живъ?

Горнъ. Гдѣ же трупъ его? какъ Шведамъ не сберечь замѣтнаго тѣла Фельдмаршала, въ золотыхъ доспѣхахъ, и...

Нильсонъ. Быть можетъ, Русскіе сняли съ него доспѣхи, какъ побѣдный трофей, а тѣло бросили въ рѣку Великую; такъ и Король думаетъ!

Горнъ. Раненые воины наши, пережившіе нѣсколькимъ часами своихъ храбрыхъ товарищей, клялись мнѣ предъ смертью, что они видѣли, какъ въ ночи, послѣ вылазки, еще утомленный упорнымъ сопротивленіемъ Псковитякъ, остатокъ войска нашего погруженъ былъ въ глубокій сонъ; на полѣ сраженія показались тѣлѣги Русскихъ, и ратники наши видѣли, какъ Русскіе взяли тѣло моего отца, прикрыли трупами своихъ земляковъ, и увезли не вѣсть куда. — Випа!

Нильсонъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ Морозовъ нанесъ ударъ Швеціи, лишивъ ее такого генерала, каковъ былъ вашъ родитель, Эвертъ-Горнъ.

(Боярыня подаетъ вина и трепещетъ при имени мужа).

Нильсонъ. Что ты дрожишь, баба? Держи прямѣе.

Боярыня *(становится на свое мѣсто)*. Ничего, родной!... Это сынъ Горна! Боже, если онъ узнаетъ, что я здѣсь.

Няня *(успокаиваетъ ее)*. Гдѣ узнать, матушка, коли сама себя не выдашь.

Горнъ. Я поклялся мстить Морозову до гроба, но какъ отомщу ему: онъ сидитъ себѣ спокойно въ каменныхъ стѣнахъ Пскова, и смѣется моей горести, между тѣмъ какъ мой отецъ томится въ оковахъ, въ душной темницѣ!

Нильсонъ. Откуда могли дойти до васъ такіе страные слухи, Полковникъ?

Горнъ. Бѣглые плѣнные Шведы изъ Пскова увѣрили меня, что Морозовъ бережетъ моего отца до важнѣйшаго

случая; кѣною его освобожденія онъ хочетъ унижить Швецію и купить Россіи выгодный миръ.

Нильсопъ. На который, впрочемъ, склоняется и Его Величество Король, и все чрезъ ходатайство этого проклятаго Англичанина, Джона Мерика. Виша Полковнику!

Горнъ. Да, если бъ не этотъ Джонъ, Король не оставилъ бы осады Искова и продолжалъ бы войну.

(Боярыня подноситъ вино Горну).

Нильсопъ. Я изрубилъ бы въ куски эту хитрую старую лисицу, Джона.

Боярыня *(возвратясь на свое мѣсто, госоритъ Няню)*. Они говорили о Джонѣ; ну, не правда ли моя, что и помянуть намъ не надо о старомъ нашемъ Джонѣ? они, вѣрно, о немъ говорятъ.

Няня. Ни полсловечка не молвию о немъ, матушка, отсохни языкъ мой, да и другимъ закажу!

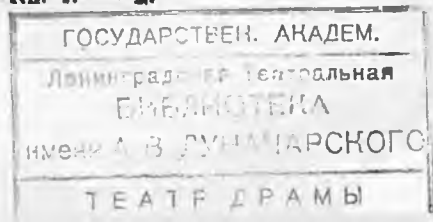
Горнъ *(вставал)*. Вино развеселило меня. Эй, староста, что же замолчани твои лѣсныя птицы, чего они болятъ? познакомь меня съ твоею женой, съ дочкой-невѣстой, да будьте повеселѣе: мы не съ тѣмъ пришли, чтобъ васъ обижать. Горнъ страшень только для непріятелей своихъ на полѣ сраженія; онъ не ведетъ войны съ бабами. Гдѣ же твоя жена, староста?

Семень. Вотъ кормилецъ мой, жена моя, Ульяна Ивановна *(онъ выводитъ трепещущую Боярыню)* вотъ моя дочка, Маша, съ женихомъ Ильюшей, а вотъ и сватьяшка, Левлевна, женихова матушка — прошу любить, да жаловать.

Горнъ *(смотритъ на Боярыню)*. Видная жевщина! Ея фizioномія мнѣ нравится. Подойди ко мнѣ, голубушка.

Боярыня *(переговаривъ съ старостой. — Громко)*. А чего тебѣ надобно, баринъ? теперь мнѣ не божно, а какъ давеча ты вошелъ, я такъ и обмерла; ну, ни дать ни взять лѣшій, молвила я, котораго видѣла я о святкахъ, въ березнякѣ; я выпучила на тебя глаза, ни дохнуть, ни ступить, а сердце такъ и прищемлю... а вотъ теперь я тебя не боюсь, ты не лѣшій, ты Шведъ, безъ хвоста и безъ роговъ, а вѣдь тетка Алена пугала меня Шведами: ужо тебя, Шведы! *(хохочетъ дуно)*. А что, Шведъ, чловѣкъ, Божья тварь, ха, ха, ха!

Кв. I. — 2.

Горпъ. Что за вздоръ говорить твоя баба?

Семень. Нечего таить, батюшка, баба моя не то-что глупа, не то-что умна, а такъ — полоумна; она подь-часъ со страха завирается; на нее находить, и покойница мать ея была такая же—полоумная не полоумная, а какъ-бы молвить, не въ обиду....

Горпъ. Дура.

Семень. Дура, батюшка, дура пабитая!

Горпъ. А гдѣ нашъ вожатый? дорбгой онъ говорилъ намъ о Морозовыхъ, о женѣ, о сынѣ: они должны быть въ этой сторонѣ. Эй, парнишка!

(Боярыня старается скрыть свой ужасъ).

Тришка. Не пойду, вотъ-те Богъ, не пойду, въ лѣсу я былъ одинъ, а здѣсь пасъ много *(заносъ кулакъ)*. Ребята, вступитесь!

Горпъ *(хохочетъ)*. Вотъ забавно, Нильсонъ; притащи сюда этого барапа.

Нильсонъ. Ну, ворочайся, баранья башка!

Тришка. Я и самъ пду.

Горпъ. Что ты говорилъ мнѣ давеча о Морозовыхъ женѣ и сынѣ. Я отъ него не могъ добиться толку, авось здѣсь другіе помогутъ.

Тришка. А что мнѣ молвить? боярыня - то Анна Ивановна, вишь ты, Игнатъева, да какъ она Морозова по батюшкѣ, что ли, знаю, что была у нея мать, Морозова, старушка, въ чемъ душа въ тѣлѣ. Дядя Семень, такъ ли, али не такъ, да кабы самое ее матушку спросить. Дядя Семень. А! или глухъ?

(Молчаніе, ужасъ крестьянъ; Боярыня блѣднѣетъ, но вскорѣ ободряется).

Боярыня. Что ты городишь, Тришка? экъ ты занесъ колесную, дай-ко мнѣ молвить слово барипу: я Морозовыхъ знаю лучше тебя.

Тришка. Ахъ, ты здѣсь, какъ же тебѣ не знать, коринница, ты сама....

Боярыня. Я сама въ дѣвкахъ была во дворѣ у Морозовыхъ, въ селѣ Михайловскомъ, я была тамъ птичницей.

Тришка. Птичница! хороша птичница... *(глупо смеетъ)*

сл) за птицами ходила, чай за лебедяки и навами. Дядя Семешъ, али за жарь-птицей (хохоцетъ)?

Семешъ. Чтѣ ты горланишь, пеучъ, при барахъ; чести не знаешь, Хамово племя; вотъ я-те пугну, по дави-пвему, косточекъ не сберешь, образина; вотъ я-те! (Семенъ бьетъ и топнѣ Тришку) Баринъ, отъ него тебѣ толку до завтра не добиться; только въ сердце введетъ пона-прасну; ты спроси меня съ женою о Морозовыхъ, нашихъ врагахъ, такъ мы тебѣ всю правду скажемъ. Жена моя жила птичницей у Морозовыхъ; когда я къ ней посватался, ее хотѣли выдать насильно за конюшаго, Антопа, парня разгульнаго; дѣвка была голосомъ: не хо у за Антопа, хочу за Семева, вопила она; ее и слушать не хотѣли, ужъ пытали ее голубушку мучить: двѣ недѣли соль толкла, остригли косу у нея, мошенники, дѣвка все перенесла; при смерти больна была, всѣ Петровки пролежала, насню взмилзовались господа, и отдали ее за меня, безъ придапаго; и чтѣ было такъ и то обобрали. Ужъ я бы ихъ, враговы! Тогда и покойникъ баринъ съ барыней, Игнатьевой, чуть опять съ ними не поссорились, чуть опять тяжбы не затѣяли; а, правду сказать, наши всегда были въ разладѣ съ Михайловскими Морозовыми.

Горпъ. Съ какими Михайловскими?

Семешъ. Мы оттого зовемъ, что село то ихъ, Михайловское, въ 50-ти верстахъ отъ насъ, да мы съ ними не водились, все равно, что за 500 версть.

Нильсонъ. А за чтѣ вы съ ними не ладили?

Семенъ. Господа поссорились, за чтѣ бишь, Ульяна, ты лучше вѣдаешь.

Боярыня. И вѣстимо, лучше тебя. Вотъ, вишь, лѣса Игнатьевыхъ смежны въ лѣсами Морозовыхъ; промежь лѣсовъ была поляна Морозовыхъ; въ лѣсу Морозовыхъ появился медвѣдь, большой, пребольшой; я его видала однажды мелькомъ: лапищи, ужъ такія лапищи (Нильсону) ну, вотъ точехонько какъ у тебя, баринъ, ха, ха, ха! Вотъ на эту поляну зашла бѣляна, какъ теперь помню, ужъ такая красавушка, свѣтлоглазенькая, а ножки какъ выточены.

Горнъ. Что это за бѣяна, не дѣвушка, что-ли?

Боярыня (*хохочетъ*). Дѣвушка? Нашель дѣвушку, это была телка, любимая телка барина Игпатьяева; вотъ она зашла на поляну, да щиплетъ себя траву; откуда ни возмись медвѣдь: идешь на заднихъ лапахъ; вотъ, медвѣдь то и съѣшь телку, да и уйди въ лѣсъ; а на лугу то и оставилъ на память по бѣлянушкѣ хвостикъ да ножки, да крови дорожки. Вотъ, батюшки мои свѣты, изъ этого и завязалась промежъ барами тяжба: зачѣмъ-де Морозовскій медвѣдь съѣлъ нашу телку, воили Игпатьяевы; а Морозовы воили: зачѣмъ-де телка Игпатьяева зашла на нашу поляну, а Игпатьяевы воили: зачѣмъ-де медвѣдя прежде не убили Морозовы? Кто правъ, кто виновать? кабы телка не забрела на чужой лугъ, такъ и медвѣдь не съѣлъ бы телки — вотъ какъ я бабынѣ умою придумала.

(*Шведы хохочутъ, крестьяне шепчутся и киваютъ головою другъ другу въ-знакъ одобренія*).

Горнъ (*задумывается*). Въ безумныхъ словахъ ея есть смыслъ: она не дура. Ужинать давай, староста, ужинать, а послѣ поговоримъ о дѣлѣ.

Семень. Давно-бы пора, батюшка; мы знаемъ, что соловья баснями не кормятъ. Эй, жена, развернись, угощай дорогихъ гостей: что въ печи, все на столъ мечи. (*Боярыня*) Ихъ надо сбыть съ шен, проводить въ Михайловское.

Боярыня (*тихо*). Въ руки нашихъ! И подъяломъ вору мука. (*Громко*) Экъ ты, раскудахтался, полно горло-то драть, побереги для мірской сходки. Пожадуйте, гости дорогіе, въ другую свѣтлицу, тамъ и столъ накрыть, медъ и пиво шипнѣть.

Пильсонъ. А ты насъ повесели, да попляши, безъ того изъ села не выйду! Лебедушка моя! (*ужаживается за нею; всѣ уходятъ за Шведами, остается Наня, Илья и Маша*).

Я В Л Е Н І Е X.

Няня, Илья и Маша.

Няня. Ты, Машенька, здѣсь долго не оставайся; уйди да запришь въ своей свѣтелкѣ, красавушка моя, небойсь, тебя не тронуть. *(Маша уходитъ)*. Ну, Ильяша, каковъ твой сговоръ, и сколько неожиданныхъ гостей набралось; чѣмъ еще твой сговоръ кончится, Богъ вѣсть! начали за здравіе, чтобъ за упокой не свелн. Шведы, посмотри, подопьютъ, да съ пьяныхъ глазъ какъ начнутъ буянить, такъ и узнаешь ихъ; а я пойду да приберу подалѣ кое-что изъ господскаго серебра, да и своего имѣньяшка не забуду; а ты останься здѣсь, да наблюдай за Шведами.

Илья. Хорошо, матушка, иди съ Богомъ; я ипъ съ мѣста, да и боярыня ипѣ кивнула головою, когда уходитъ изволила за Шведами.

Я В Л Е Н І Е XI.

Боярыня *(отворла дверь)* и Илья.

Боярыня *(въ дверяхъ)*. Экъ вы распились, окалвные! какъ въ бездонную бочку лешь, и все не нальешь *(хочотъ Шведовъ)*. Сейчасъ еще вина принесу, погодите, вотъ въ погребъ схожу. Хорошо, что ты не ушелъ, Илья, садись, бери перо и бумагу, пиши *(сажаетъ его)* къ Мезецкому, въ Михайловское *(Илья вынимаетъ изъ поставца перо и бумагу, и садится)*. Чтобъ запяты Шведовъ, я отвесу имъ ендову пива *(беретъ со стола и уноситъ Шведамъ)*.

Илья *(одишь)*. Вотъ до чего мы дожили, горемычные! Наша православная боярыня услуживаетъ басурманамъ!

Боярыня *(поспѣшило выходитъ)*. Ну, Илья, пиши. «Шведы подъ начальствомъ Горна заняли село Ипатьевское; жена и сынъ Воеводы Морозова въ ихъ рукахъ; «во они еще Шведами не узнаны.»

Голосъ Горна. Старостиха, вина!

Боярыня (*отворяя шкафъ и держаась за стону*). Сейчас, батюшка, тяжела стопа, не стащишь; иду, иду! (*Диктуеть дрожжа отъ страха*). «Спасите ихъ!» (*Шведамъ въ дверь*). А вино-то завѣтное, отъ дѣдушки досталось, въ святъ-день раскивалось. (*Диктуеть*). «Ни часа не теряя, сѣшните налегкѣ; пороху въ волю запасено бояриномъ на всякій случай!»

Голосъ Горна. Ну, скоро ли ты принесешь вина, полуменная баба.

Боярыня *вынимая изъ поставца*). Экъ раскричался! Иду, иду. (*Въ дверьхъ*). Вотъ стопа высокая, дно у ней широкое — пить богатырямъ. (*Иль*). Вотъ тебѣ грамотка, да кому поручить се отвезти? ну, садясь ты самъ на вороного коня и лети что ни есть духу, въ Михайловское, ты толковѣ другихъ; отдай грамоту Мезецкому, а ключнику скажи, чтобъ онъ изъ погреба выкатилъ бочку вина, да понлъ Шведовъ; да еще пусть вытащитъ изъ каменной кладовой боченокъ пороху, въ мою моельню, чтобъ поближе былъ, когда наши подъѣдутъ.

Ильсонъ (*выходя*). Да скоро ли ты принесешь вина, вѣдь у насъ не долго до расправы. (*Ильсонъ ластится около нее*).

Боярыня. Полно балагурить, какъ Семень увидитъ, такъ уже задасть тебѣ трезвону. (*Уходитъ съ нимъ*).

Илья (*идиъ*). Лети во весь духъ, такъ, кажись, молвила она; а что если попадусь Шведамъ, и они меня убьютъ, такъ вотъ тебѣ и сговоръ, вотъ тебѣ и невѣста! Хоть бы съ матушкой-то проститься, да съ ея благословеніемъ въ могилу лечь; да вотъ я она легка на поминѣ.

Я В Л К И Е XII.

Илья и Няня.

Илья. Прощай, матушка; благослови меня въ дорогу.

Няня. Что съ тобою? да въ умъ ли ты?

Илья. Боярыня шлетъ съ грамоткой въ Михайловское, къ Мезецкому, за помощью.

Няня (*всплеснувъ руками*). И тебя, моего сердечнаго, посылаетъ она въ такую темь; неаглядное ты мое дятятко! (*Оттираетъ слезы*). Потѣжай, Богъ съ тобою, буди надъ тобой родительское мое благословеніе! Какъ барскій приказъ ни святъ для меня, а горько, горько мнѣ разстаться съ тобою, а Машѣ я не скажу: выплачится бѣдная дѣвка! (*Всхлипывая обнимаетъ его и воетъ*).

Я В Л Е Н І Е XIII.

Тѣ же и Гриша (*выходитъ изъ сѣтлицы*).

Гриша. Чтѣ это ты, Няня, развылась, ужъ и Шведы услышали, а матушка велѣла тебѣ перестать.

Няня (*всхлипывая*). Кабы не о чемъ было плакать, такъ не плакала бы, посылаютъ дѣтище родное съ грамоткою въ Михайловское, да еще и плакать не велѣтъ! (*Воетъ*).

Гриша. Кого посылаютъ?

Илья. Меня, баринъ; а матушка, вѣшь ты, развылась, не охота разстаться.

Няня. Сокровище мое, я не плачу, да коли вспомню, что со сговору, отъ невѣсты улетитъ мое дятятко не вѣсть куда, въ темную ночь. (*Воетъ*). Охъ, ахти мнѣ! тошнехонько!

Гриша (*вырываетъ письмо изъ рукъ Ильи*). Да гдѣ грамотка? Не плачь, няня, я отвезу письмо; для родной матушки жизни не жаль.

Няня. Чтѣ это ты, кормилецъ? Въ ужѣ ли ты?

Илья. Баринъ, полно, чтѣ ты затѣялъ — отдай....

Гриша. А что? ничего! Я маленькъ, скорѣе проберусь въ Михайловское, и вороной конь духомъ дошсетъ меня туда. (*Убываетъ, Илья за нимъ*).

Илья. Отдай грамотку, баринъ, отдай, отдай!...

Няня (*всплеснувъ руками*). Ахъ ты, Господи! Чтѣ я окаянная надѣлала—узнать боярыня, — пропала моя голлушка! (*Воетъ*).

Я В Л Е Н І Е XIV.

Горпъ, Нильсонъ, Боярыня, Семень, Няня и Шведы.

Горпъ. А вино было чудесное!

Нильсонъ. Малвазія, какой и въ Москвѣ мало.

Боярыня. Запасъ боярскій! худаго вина у насъ въ погребѣхъ не водится. А ужъ какаго романа есть! такой и Королю Шведскому во снѣ не приснится!

Горпъ. Чтѣ ты развылась, старая сова? —

Няня (*съ сердцемъ*). У всякаго свое горе: у тебя свое, а у меня свое.

Боярыня (*тихо*). Полно, няня, онъ воротится здоровъ и невредящъ; вѣдь онъ спасаетъ боярыню съ сыномъ.

Няня. Ахъ, матушка, слова твои какъ острый ножъ и рѣжутъ, и жгутъ сердечушко!

Горпъ. Да, у всякаго свое горе, старуха, и я какъ ни стараюсь потопить горе свое въ винѣ — все напрасно! Вездѣ вижу укоряющій образъ моего родителя; лишь одно мщеніе можетъ утолить мою горестъ. «Отецъ и мщеніе» — вотъ мой отнынь лозунгъ. — Ты сказала, что жена и сынъ Воеводы Морозова въ Михайловскомъ?

Семень. Такъ, родной.

Боярыня. Да, они тамъ укрываются у старосты въ кѣтѣ.

Горпъ. Туда, туда поспѣшимъ, Нильсонъ!

Боярыня (*въ сторону*). Тамъ встрѣтитъ тебя русская пушка; на смерть посылаю тебя!

Нильсонъ. Но переждите ночь, Полковникъ; Морозовы отъ васъ не уйдутъ; а завтра до зари мы явимся въ Михайловское; староста насъ проводить туда.

Семень. Извольте, родные, хоть на край свѣта готовъ быть вашимъ проводникомъ.

Боярыня. Укажи имъ, Семенушка, гдѣ укрываются Морозовы; какъ войдешь въ кѣтѣ къ старостѣ, такъ увидишь большую постель за пологомъ; отдерни пологъ, увидишь дверцы, толкни въ дверцы, и пайдешь ихъ, моихъ вороговъ, Морозовыхъ; а ты, дядюшка, ихъ не жалѣй, маковки сними долой, богатырь мой удалой, а въ село, чтобъ скорѣе разсвѣло, пусти краснаго павлина: въ небѣ встанетъ мой павлинъ, хвостъ распустишь мой пав-

ливъ, выше лѣса стоячаго, ниже облака ходячаго! Какъ свѣтло, какъ тепло—любо дорого! (*Приплъсывая*). Шведъ въ Михайловскомъ бывалъ, медъ и пиво тамъ пивалъ, по усамъ текло—въ ротъ не попало.

Нильсофъ. Полно врать, старостиха; у насъ такъ, что по усамъ потечеть, то и въ ротъ попадетъ, ужъ такая у Шведовъ манера. Давай-ка намъ романен, ты нахвастала ея—да и попляши.

Боярыня. Стану я тѣшить бусурмана!

Нильсонъ. Дѣлай, что велятъ, а не то вмѣсто Михайловскаго мы и здѣсь пустимъ краснаго павлина.

Семенъ. Батюшка, не принуждайте ее: она въдъ не въ своемъ умѣ.

Нильсонъ. Дурь-то мы у нея выьемъ. Пляши, не выводи насъ изъ терпѣнія; нашъ Полковникъ опять задумался; его надо расъять.

Семенъ. Нечего дѣлать. Хозяйка, дѣлай, что велятъ. (*Тихо*). Матушка, не серди ихъ, займи пляской, а межъ тѣмъ и наши изъ Михайловскаго подѣдутъ.

Боярыня. Ну, плясать такъ плясать, а вы, дѣвушки, спойте плясовую. (*Въ сторону*). Боже! дай спести это униженіе, подкрѣпи меня! (*Боярыня пляшетъ, дѣвушки поютъ, Шведы хлопаютъ въ ладони, хохочутъ и пьютъ*).

Я В Л Е Н І Е XV.

ТѢЖЕ и Гриша (*окруженный Шведскими солдатами*)
и Илья.

Иля. (*въ ужасѣ схватываетъ себя за голову*). Ахъ ты мнѣ, батюшки мои! погубила я свою душеньку!

Боярыня. Что это, няня? Что сдѣлалъ имъ Гриша?
(*Иля закрываетъ лице*).

Солдатъ. Г. Полковникъ, стража схватила этого мальчишку на поворотѣ изъ деревни на проселочную дорогу; онъ летѣлъ во весь опоръ; по стража догнала его, и запазухою у него нашла это письмо.

Боярыня (*къ Илю*). Господи помилуй, какъ оно попало ему, няня?

Иля (*тихо говоритъ ей, боярыня заливается слезами*).

Боярыня. Я понимаю, понимаю. Боже! что со мной будетъ?

Горня (*къ нему подводять Гришу*). Кто ты таковъ?

Гриша. Ты видишь кто, Русскій.

Горня. Читай письмо.

Гриша. Грамотка не при мнѣ писана.

Горня (*Семену*). Читай, ты, борода.

Семень. Помилуй, батюшка, мы люди безграмотные.

Горня. Но кто же прочтетъ?

Нильсонъ. Кто написалъ, тотъ и прочтетъ. — Кто изъ васъ писалъ? отвѣчайте; будете запираяться—живые отсюда не выйдете. — Эй, солдаты, окружите ихъ алебардами; заряжайте мушкеты.

Няля (*вышедъ изъ за толпы солдатъ*). Виповать, батюшка, не погубите за меня душъ Христіанскихъ: я писалъ грамотку, я и прочитаю ее.

Горня. Читай, но не измѣняй смысла; если обманешь меня, мой Нильсонъ обличитъ тебя въ обманъ: онъ умѣетъ читать по-русски; онъ былъ у васъ въ плѣну и научился русской грамотѣ.

Нильсонъ. Конечно, знаю, знаю. (*Тихо*). Ни бельмеса не смысю.

Няля (*становится на колѣни. Шведы держатъ надъ нимъ обнаженныя сабли. Онъ читаетъ письмо прерывающимся голосомъ. На сценѣ тихо. Боярыня ни жива, ни мертва. Няля закрылась платкомъ, опустивъ голову на столъ*). «Шведы подъ начальствомъ Горна заняли Село Игнатъевское; жена и сынъ воеводы Морозова въ ихъ рукахъ; но они еще Шведамъ не известны. Спасите ихъ, ни часа не теряя; спѣшите налегкѣ; пороха въ волю запасено бояриномъ на всякій случай.»

Горня (*сидѣвшій, приподнимается грозно*). Презрѣпныя твари! Такъ я былъ у васъ игрушкой? вы воспользовались моимъ легковѣріемъ, вы обманули меня? Морозовы скрываются здѣсь, я съ ними подъ одною кровлей! Я дышу съ ними однимъ воздухомъ, и я еще дышу, еще не облилъ меча въ ихъ крови; я не отомстилъ имъ за смерть или плѣнъ моего родителя! Но вы усыпили тигра, онъ пробуждается съ большею яростію; онъ устелеть путь

свой трупамъ своихъ враговъ. Вы еще не знаете, какъ ужасно мститъ Горнъ за отца своего!—Кто тебя послалъ, мальчишка? Говори: гдѣ жена воеводы, гдѣ сынъ его?

Гриша. Вырвите языкъ изъ меня, тогда лишь открою, гдѣ боярыня.

(Горнъ въ бѣшенствѣ схватываетъ Гришу и бросаетъ его Нильсону. Боярыня, какъ окаменѣлая, простираетъ руки и не можетъ сказать ни слова).

Няня. Помилуйте его, батюшка, не губите парня, я жена воеводы, а вотъ сынъ мой!

Боярыня. Господи! что я слышу! Для моего спасенія она губить себя!

Горнъ. Чтобъ этотъ бездѣльникъ былъ сынъ Морозова? Такой трусъ не можетъ быть сыномъ храброго Воеводы русскаго! Ужъ если быть между вами сыну его, такъ это вотъ онъ. *(Указывая на Гришу)*. Нильсонъ, примись за него.

Нильсонъ. Эй, солдаты, разстрѣляйте его, если онъ не признается въ томъ, что онъ сынъ Морозова, и не укажетъ намъ своей матери! *(Солдаты берутъ Гришу)*.

Боярыня. Остановитесь, злодѣи, душегубцы! не троньте его; меня убейте! *(Она вырываетъ сына изъ рукъ убійцъ)*. Я та, которую вы ищете; я жена Воеводы Морозова, и это сынъ его! *(Она схватываетъ и обнимаетъ его)*.

Горнъ. Такъ! это ты! Ты жена моего врага! Это сынъ его—вы въ моихъ рукахъ! *(Хочетъ)*. На васъ я обрушу все свое мщеніе! Пусть злодѣй Морозовъ льетъ кровавыя слезы, услыша вѣсть о вашемъ плѣнѣ; пусть цѣною жизни вашей возвратитъ онъ мнѣ моего отца; пусть позоромъ твоимъ онъ заплатитъ мнѣ за всѣ страданія его въ душевной темницѣ. Въ оковы ее! Свяжите ее, влеките ее, влеките въ лагерь Шведскій, къ Делагардію, эта добыча порадуетъ его; она сдѣлаетъ переворотъ въ дѣлахъ Швеціи; тебѣ срамъ и смерть или свобода отцу моему и выгодный миръ Швеціи—вотъ мои условія! Пойдемъ, хитрая женщина, теперь пѣтъ для тебя спасенія въ лукавствѣ и притворствѣ!

Боярыня. Идите вы, я остаюсь здѣсь, и отсюда ни ногой; лучше смерть чѣмъ безчестіе! *(Она вырывается)*

изъ рукъ Шведовъ, схватываетъ селю и бѣжитъ къ средней декораціи, отдергиваетъ завѣсу и выбѣгаетъ по ступенямъ въ молельню, гдѣ стоитъ боченскъ пороха, приготовленный къ прибытію Русскихъ). Здѣсь пороха, заготовленный для Князя Мезецкаго: одно движеніе руки, и вы на воздухъ! Не опозорить вамъ чести Русской Боярыни! Ну, храбрые Шведы, пропляшите-ка теперь подъ мою русскую пѣсню. (*Ужасъ Шведовъ и Русскихъ. Въ это время изъ боковой двери на лѣстницу показывается Джонъ; онъ остается зрителемъ сей сцены и прислушивается.*

Горнъ. Я не боюсь твоихъ угрозъ; ты умрешь первая. (*Направляетъ на нее пистолетъ.*)

Джонъ. Сыпь мой, остановись!

Боярыня (*услышиа голосъ Джона*). Чтѣ я слышу, Джонъ!

Горнъ (*роняетъ пистолетъ трепещетъ*). Голосъ моего отца! Боже — его тѣнь!

Джонъ (или Старый Горнъ) *сходитъ вѣдомый боярыней, которая сажаетъ его изнемогающаго*). Не тѣнь, а самъ отецъ твой, спасенный отъ смерти этою благодѣтельною жепщиной. Ландсъ-Кнехты стацили съ меня золотые досѣхи, и прикрыли плащемъ убитаго Англичанина Джона, который сражался подлѣ меня, и бросили трупъ мой на грудь русскихъ тѣль. Счастливая ошибка послужила къ моему спасенію: я скрылъ отъ нихъ, что я Шведъ. Я сохраненъ женою Воеводы Морозова, а ты едва не погубилъ ее, сынъ мой. Заслужи ей прощеніе! Вотъ моя послѣдняя просьба въ жизни, и я спокойно умру на рукахъ твоихъ.

Молодой Горнъ (*какъ громомъ пораженный падаетъ къ ногамъ Морозовой*). Спасительница моего отца! Прости мнѣ, я оскорбилъ тебя! Возьми жизнь мою въ воздаяніе за доброе дѣло.

Боярыня. Что мнѣ въ жизни твоей! Перестаньте терзать мое отечество; какъ Воеводы, способствуйте къ заключенію скорѣйшаго мира, и тѣмъ только расплатитесь за доброе дѣло съ Русскою Боярыней.